

8.11. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ И ПРОВОКАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ¹

Орлова Е.Р., д.э.н., профессор, заведующий лабораторией, лаборатория «Информационные технологии оценки эффективности инвестиций», ФИЦ «Информатика и управление», Институт стратегического анализа Российской Академии наук, г. Москва; Булетова Н.Е., к.э.н., доцент, кафедра государственного управления и политологии, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград

[Перейти на ГЛАВНОЕ МЕНЮ](#)

Проводимое реформирование системы государственного стратегического планирования от нормативно-правовых, методических, институциональных основ до формирования практических инструментов разработки и реализации не формализованных, а актуальных и востребованных для конкретной территории целей и задач стратегического развития столкнулось с угрозой очередного затруднения в достижении намеченных приоритетов развития системы стратегического планирования, главный из которых – формирование целей и задач с муниципального уровня, актуальных при реализации в системе стратегического управления и обеспечение этого процесса соответствующими документами – от прогноза стратегического развития и бюджетного прогноза до схемы территориального планирования. Сложившиеся исторически и объективно определяемые разным ресурсным обеспечением и разным потенциалом диспропорции в состоянии существующих субъектов Российской Федерации и муниципальных образований формируют перечень ловушек и провокаций, приводящих как к угрозе недостижимости или невыполнения поставленных задач реформирования системы государственного стратегического планирования, так и к неэффективному стратегическому управлению территориями в целом. Выявление, предотвращение подобных институциональных ловушек и провокаций является первостепенной задачей в системе стратегического планирования, для того чтобы реформа государственного стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях имела максимально положительные результаты и способствовала росту эффективности всей системы государственного стратегического управления в соответствии с моделью управления по результатам.

Переживая очередную волну реформирования системы государственного стратегического управления (ГСУ), затрагивающую стратегическое планирование и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта №16-06-00027А «Закономерности эколого-экономического развития и их влияние на государственное стратегическое управление регионом».

его документальное и методологическое обеспечение, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования столкнулись с несколькими проблемами:

- невозможность реализовать унифицированный подход к разработке прогнозов стратегий социально-экономического развития на долгосрочный и среднесрочный периоды, а также бюджетного прогноза, так как методические указания Министерства финансов РФ (Минфин РФ) провозглашали необходимость индивидуального подхода к учету факторов и тенденций развития конкретной территории;
- попытка отказа от вертикали документального обеспечения стратегического планирования от федерального до муниципального уровня потребовала от муниципальных образований проявить инициативу и ответственность за смену порядка по принципу «снизу-вверх».

Первым сложным вопросом, который был поставлен перед регионами и муниципальными образованиями, стали сроки разработки и принятия всех документов стратегического планирования. Это оказалось непосильной задачей не только для данного уровня власти, но и для федерального уровня. В результате по инициативе Министерства экономического развития РФ были внесены поправки в ст. 47 Федерального закона РФ «О стратегическом планировании в РФ» и перенесены сроки разработки документов стратегического планирования с 1 января 2017 г. на 1 января 2019 г. Объяснялось это угрозой неоправданного ускорения разработки и взаимной увязки документов стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней. В результате это негативно повлияет не только на качество самих документов и их взаимодействия, но и на содержательную часть их общественного обсуждения, а также информационное обеспечение, мониторинг и контроль.

В рамках проводимого научного исследования² авторы поставили перед собой задачу детального изучения как действующих в настоящее время документов стратегического планирования на уровне субъектов РФ (а также муниципальных образований Волгоградской области), так и тех методологических основ, которые регулируют процесс разработки таких документов стратегического планирования, перечисленных в федеральном и региональных законах о государственном стратегическом планировании:

- документы прогнозирования: прогноз социально-экономического развития (СЭР) на долгосрочный период и находящиеся в зависимости от него бюджетный прогноз на долгосрочный период и прогноз СЭР на среднесрочный период;
- непосредственно сама стратегия СЭР федерального, регионального и муниципального уровней планирования и те документы, которые ее дополняют и обеспечивают переход от стратегии к тактике – речь идет о плане мероприятий по реализации СЭР территории с увязкой с теми государственными программами, которые функционируют и финансируются на территории в течение периода реализации стратегии, а также о схеме территориального планирования территории, учитывающей результаты целеполагания и прогнозирования траектории развития (рис. 1);

² Грант РФФИ 16-06-00027.

- методические рекомендации Минфина РФ органам государственной власти субъектов РФ по долгосрочному бюджетному планированию;
- методические рекомендации по заполнению формы и к разработке показателей прогнозов социально-экономического развития субъектов РФ (ф. №2П);
- постановление Правительства РФ от 8 августа 2015 г. №823 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии СЭР РФ».

Главная особенность этих документов – разработка на федеральном уровне и применение на уровне субъекта РФ и муниципального образования, большинство из них носит рекомендательный характер с посылом к нижним уровням разрабатывать и формировать систему государственного стратегического планирования (ГСП) самостоятельно в рамках действующего правового поля.

Рис. 1. Состав и взаимосвязь документов государственного (муниципального) стратегического планирования

Однако проблема в реализации такой инициативы сосредоточена на муниципальном уровне, где нет ни профессионального, ни финансового потенциала для формирования и реализации стратегически важных целей развития территорий на требуемом уровне.

На фоне сложившейся практики зависимости территорий от федерального центра в правовом и методическом обеспечении содержания всего ГСП необходимо упомянуть об институциональных ловушках и провокациях, которые носят как общий характер, так и имеют свои особенности, дифференциацию (или разную вероятность возникновения) для разных территорий [3].

Чтобы определить состав и характер тех видов ловушек, которые могут возникать в системе государственного стратегического планирования (рис. 1), и завися от человеческого фактора, от формальных правил игры, заложенных в правовом поле, от методологии самого процесса стратегического планирования, представим результат анализа действующих в переходный период документов ГСП во всех субъектах РФ:

- у большинства регионов действующие стратегии СЭР на долгосрочный период датируются 2008-2014 гг., т.е. они были разработаны до принятия в 2014 г. Федерального закона «О государственном стратегическом планировании в РФ» [1] и носят формализованный характер, максимально дублируя вышестоящие и не отражая особенностей развития, которые характерны для конкретной территории; они не отражают мнения (результатов опроса) населения об их видении будущего, готовности поддержать и принять участие, не отражают мнения (результаты совместных совещаний) бизнеса, от готовности и планов которого по вложению капиталов, по развитию производства, сельскохозяйственной деятельности и т.п. зависит поддержка и финансовая достаточность бюджета для реализации всех намеченных мероприятий и достижения целевых показателей;
- высокая зависимость содержания стратегий одного уровня от вышестоящего свидетельствует о формальном подходе к стратегированию с целью повышения управляемости СЭР территорий, а также о низкой работоспособности таких документов, определяющих приоритеты развития территории и приоритеты финансирования; главная причина этого видится нам в отстраненности основных объектов управления – населения, бизнеса, окружающей среды (через общественные движения и защитников экологии) от процесса целеполагания, от выстраивания той картины будущего, которая является общей целью развития;
- чтобы содержание региональных и муниципальных стратегий отвечало интересам всех участников системы – региона, муниципального образования, необходимо пройти большой путь в стратегическом планировании:
 - общественные обсуждения не должны быть формальной процедурой;
 - качество, научность разрабатываемых анкет, проводимых опросов должны быть на высоком профессиональном уровне;
 - язык изложения материала должен быть доступен и понятен не только специалистам в области государственного и муниципального управления, финансов, но и рядовым гражданам;
 - нормативно-правовое регулирование системы государственного и муниципального стратегического планирования содержит в себе ряд институциональных провокаций, связанных с тем, что сложно выполнить главное требование к стратегии любого уровня как документа развития территории – это работоспособность, а она у большинства действующих стратегий весьма слабая, так как обеспечивается только силами исполнительной власти. Необходима действенная обратная связь – понимание того, каким видят регион, муниципальное образование в будущем сами жители, на какие текущие потери в дополнительных доходах готов пойти бизнес, позволяет добавить в любую стратегию реалистичность и высокую заинтересованность, мотивацию к реализации.

Под институциональной провокацией мы понимаем деятельность органов исполнительной власти, когда разработка и реализация региональных (му-

ниципальных) стратегий, предполагающих активное вовлечение бизнеса в этот процесс, создаст условия для его сращивания с властью. Институциональная провокация при вовлечении общества в процесс ГСП может привести к манипулированию и навязыванию населению формальных, неактуальных целей и задач развития территории («Нью-Васюки») при вовлечении активистов по защите окружающей среды – использование их в своих политических интересах для роста положительных оценок деятельности власти и т.п. Представленные на рис. 2 качели, изображающие варианты взаимодействия органов исполнительной власти и других субъектов ГСП (население, бизнес, общественные

группы, выражающие интересы окружающей среды), принимающих участие в стратегировании, позволяет увидеть зыбкость и неоднозначность такого взаимодействия.

Только прозрачность и профессионализм, научный контроль (экспертиза) и мониторинг всех промежуточных и итоговых результатов – единственный способ достичь приоритета взаимодействия без провокаций. Со стороны общества можно говорить о нескольких зонах давления-взаимодействия, следовательно, и сила, и скорость появления или недопущения институциональных провокаций больше, интересов больше, цели развития многообразнее.

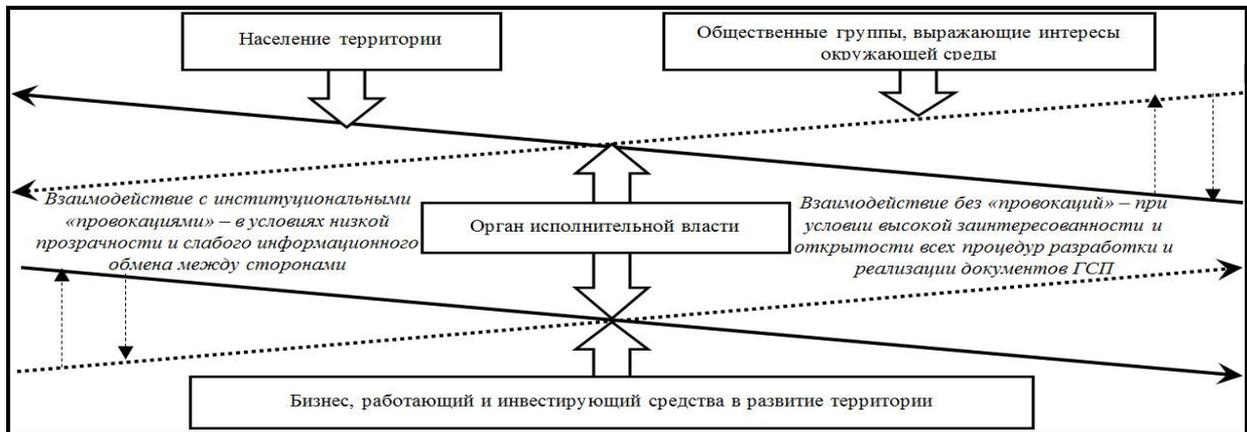

Рис. 2. Институциональные провокации соотношения интересов субъектов и объектов стратегического планирования и управления³

Говоря о содержании методологических основ прогнозирования СЭР и бюджетного прогноза, можно также представить следующие результаты исследования:

- наличие сценариев прогноза СЭР на долгосрочный период – от базового до оптимистического и стрессового, которые рекомендуются в рамках повышения эффективности управления бюджетными рисками и угрозами, является главным результатом прогнозирования; наличие данных сценариев – посыл для муниципальных образований к разработке собственных документов ГСП, увязанных с целями и приоритетами развития всего региона, с выстроенной системой межбюджетных отношений и степенью финансовой самостоятельности / зависимости и потенциала развития;
- индивидуальный подход к разработке документов стратегического и бюджетного прогноза – главное условие их работоспособности, реалистичности как фактических, так и прогнозируемых и планируемых показателей социально-экономического развития территории;
- главная институциональная ловушка любого регионального или муниципального прогноза СЭР и бюджетного прогноза – это ловушка сформировавшейся исторически, по ряду внешних и внутренних причин структуры экономики и тех диспропорций, которые на региональном уровне особенно заметно могут проявляться.

Первопричиной можно рассматривать пресловутый человеческий фактор, так же, как и в ошибках целеполагания (ключевая институциональная ловушка), что негативно влияет на содержание и практику реализа-

ции ГСП. Структурные изменения, которые характерны для РФ в целом и для большинства ее регионов, характеризуются низкой управляемостью, что приводит к турбулентной траектории развития национальной, региональных экономик [7, с. 164].

Но нужно отметить, что наличие структурных диспропорций, неэффективные структурные изменения в экономике страны и отдельных субъектов РФ можно поставить в зависимость от влияния тех институциональных ловушек и провокаций, которые проявлялись в системе государственного управления и реализации структурной экономической политики. Взаимосвязь между структурой экономики и институциональными ловушками и провокациями очевидна и определяется действующим нормативно-правовым полем реализации системы ГСП и управления в целом, профессиональным составом исполнительной власти на уровне субъектов РФ и муниципальных образований, потенциалом территории (экономическим, человеческим, политическим), которые реализуются в той или иной степени.

Для того чтобы измерить реальные структурные изменения, представим алгоритм и результаты расчета (на основе работ [11, 12]), базирующиеся на двух структурных характеристиках:

- степень индустриализации экономики региона t_1 ;
- степень сервизации экономики региона t_2 .

³ При составлении рис. 2 использовались материалы источников [9] и [10].

В способ их расчета заложен традиционный статистический показатель координации, что позволило представить формулы в следующем виде:

$$t_{\alpha} = \frac{D_{ind}}{D_{agr}}, t_{\beta} = \frac{D_s}{D_{ind}}$$

где t_{α} и t_{β} – степени индустриализации и сервизации (сервизация – развитие сферы услуг, увеличение ее доли в функционировании экономики) экономики региона;

D_{ind} , D_{agr} и D_s – доля промышленности, сельскохозяйственных отраслей и сферы услуг в структуре ВРП соответственно [12].

Индексы, или относительные показатели координации, используются в статистике для количественной характеристики структуры экономических явлений [11]. Индекс координации показывает количественное соотношение между частями совокупности (целого), или сколько единиц одной части приходится на одну единицу другой, принимаемой за базу срав-

нения. Степень индустриализации t_{α} показывает, сколько на одну денежную единицу валовой добавленной стоимости, созданной в сельскохозяйственных отраслях, приходится таковых единиц, созданных в промышленности. Аналогичную интерпретацию по соответствующим совокупностям отраслей имеет степень сервизации экономики.

На рис. 3 представлена модель для интерпретации траектории и результата структурных изменений экономики, по которой можно судить о степени управляемости экономики и степени подверженности ее турбулентным влияниям, не позволяющим выстроить последовательную траекторию изменений [12]. Однако представленные интерпретации условны и следует быть готовыми к различным хаотичным и резко преломляющим траекторию направлениям структурных изменений, что будет свидетельствовать о малоправляемой или сильно зависимой от внешних факторов структуре национальной или региональной экономик.

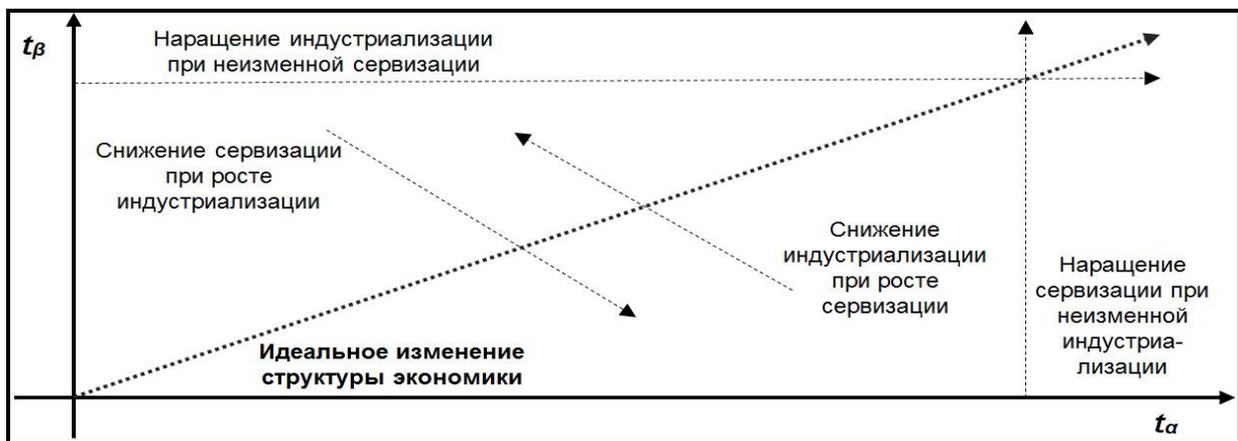

Рис. 3. Интерпретация качества структурных изменений экономики на примере индустриализации t_{α} и сервизации t_{β}

В табл. 1 представлены результаты расчета t_{α} и t_{β} в динамике за 2004-2014гг. для РФ, отдельно по Южному федеральному округу (ЮФО) и субъектам РФ, входящим в состав ЮФО.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И СЕРВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РФ И РЕГИОНОВ ЮФО В ДИНАМИКЕ ЗА 2004-2014 гг.

Показатели	Годы										
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация											
t_{α}	4,10	4,30	4,50	5,30	5,00	4,40	5,20	4,70	5,00	5,00	4,40
t_{β}	2,00	2,30	2,30	2,20	2,20	2,30	2,20	2,30	2,40	2,40	2,40
ЮФО											
t_{α}	1,37	1,77	1,80	1,78	1,69	1,49	1,64	1,58	1,82	1,83	1,80
t_{β}	2,45	2,11	2,35	2,32	2,06	2,64	2,39	2,52	2,59	2,72	2,55
Республика Адыгея											
t_{α}	0,97	1,03	1,00	0,85	0,82	0,93	1,02	1,13	1,20	1,24	1,28
t_{β}	3,04	3,10	3,22	2,97	2,93	2,86	2,62	3,16	3,28	2,92	2,70
Республика Калмыкия											

Показатели	Годы										
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
t_{α}	0,24	0,24	0,18	0,14	0,15	0,19	0,18	0,16	0,12	0,11	0,09
t_{β}	6,14	6,67	8,00	8,58	7,65	5,98	5,36	5,71	9,50	10,63	13,71
Краснодарский край											
t_{α}	0,87	1,04	3,73	1,05	0,94	1,02	1,01	1,09	1,49	1,48	1,47
t_{β}	3,47	3,25	1,67	3,79	3,64	4,11	4,02	3,68	3,52	3,79	3,64
Астраханская область											
t_{α}	4,18	4,05	3,73	3,51	5,15	2,00	2,15	1,00	1,07	1,19	1,32
t_{β}	1,57	1,31	1,67	1,85	1,11	2,52	2,14	5,43	5,57	5,31	4,93
Волгоградская область											
t_{α}	2,1	3,5	3,5	3,0	2,8	2,2	2,8	2,6	2,9	2,8	3,1
t_{β}	1,8	1,3	1,3	1,4	1,2	1,6	1,4	1,5	1,5	1,5	1,2
Ростовская область											
t_{α}	1,59	1,88	2,03	2,30	1,99	1,90	2,11	2,04	2,12	1,80	
t_{β}	2,25	2,16	2,19	1,98	1,92	2,10	1,89	1,98	2,23	2,27	2,28

Сопоставление индустриализации и сервизации в целом по стране и по отдельным регионам ЮФО позволяет получить следующие результаты: траектория структурных изменений в национальной и отдельных региональных хозяйственных системах в

пространстве показателей t_α и t_β за период 2004-2014 гг. представлена далее (по оси $X - t_\alpha$, по оси $Y - t_\beta$).

Представленная на рис. 4 кривая, отображающая изменение соотношений t_α и t_β , дает возможность увидеть общую тенденцию незначительного роста индустриализации (в 1,07 раза за анализируемый период) и роста сервисизации национальной экономики в 1,2 раза по сравнению с 2004 г. Это позволяет констатировать отсутствие целенаправленного сбалансированного развития российской экономики и наличие большой структурной флуктуации в виде изломов, резко меняющих направления ежегодно вплоть до 2014 г., и не дающих возможность усмотреть в траектории структурных изменений ни цикличности, ни планомерных, управляемых сдвигов с течением времени.

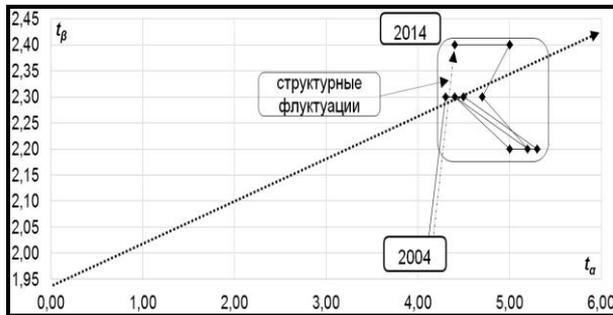

Рис. 4. Структурные изменения экономики РФ в динамике за 2004-2014 гг.

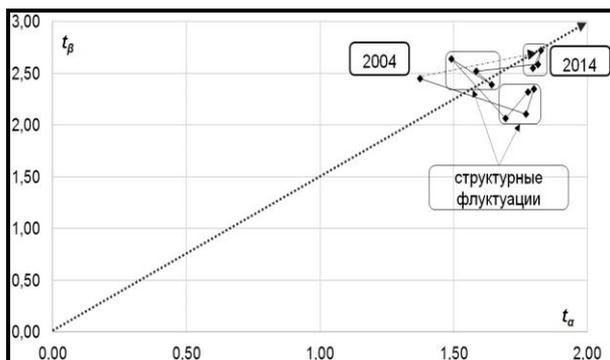

Рис. 5. Структурные изменения экономики всех субъектов РФ, входящих в ЮФО в динамике за 2004-2014 гг.

Переходя от одного уровня обобщения (в масштабах национальной экономики) к уровню федерального округа на примере ЮФО (рис. 5), можно заметить, что не только наблюдается другой вектор развития (что приближает нас к объекту исследования – региональному уровню управления), но и видна детализация структурных флуктуаций, сменяющихся между собой отдельными структурными сдвигами к следующей турбулентной фазе развития. На примере ЮФО таких фаз за 2004-2014 гг. выявлено три, они меняют свою амплитуду, общий вектор движения, но являются характеристиками неуправляемых структурных изменений, итоговым результатом которых можно констатировать заметный рост индустриализации ЮФО за анализируемый период.

Если под инвестиционными ловушками понимать заложенные в самих нормативно-правовых и методологических основы системы государственного стратегического планирования ловушки, причина появления которых может объясняться неправильной государственной политикой, а следовательно, и ошибочным целеполаганием, и некорректно применяемыми инструментами государственной политики, то и ответственность за их появление и негативное влияние на результаты ГСП и управления в целом тоже лежит на государстве, в распоряжении которого есть все необходимые ресурсы и возможности создания условий беспрепятственного и эффективного государственного стратегического управления (ГСУ), и планирования в том числе.

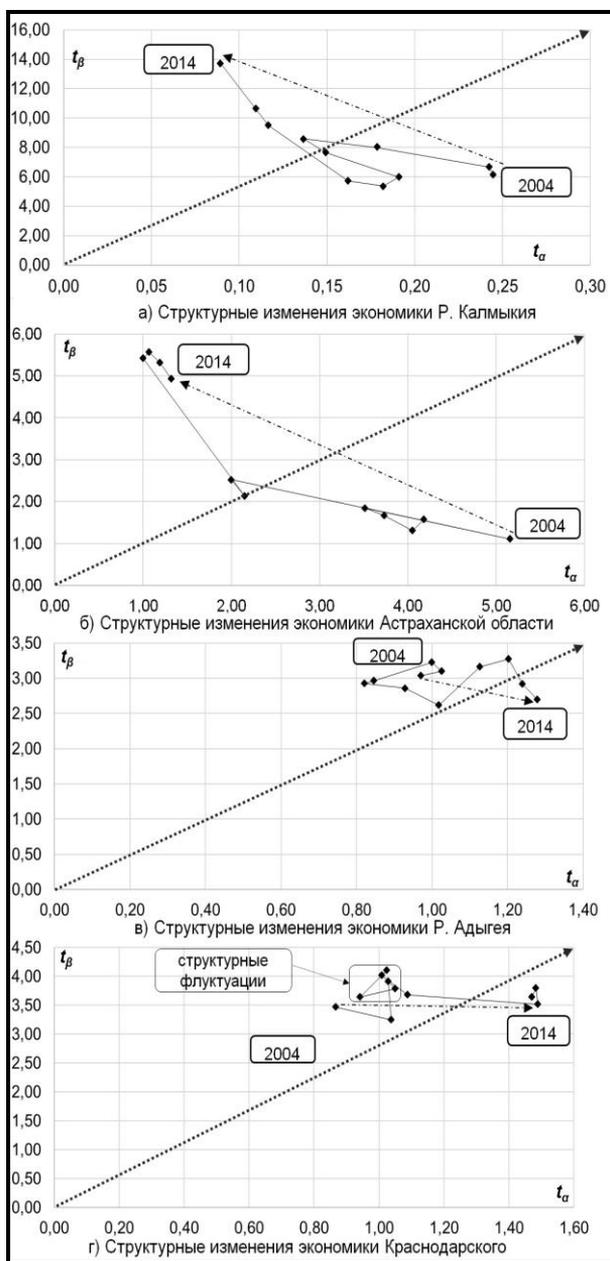

Рис. 6. Траектория структурных изменений в региональных хозяйственных системах в пространстве показателей t_α и t_β за период 2004-2014 гг. (рассчитано по данным Росстата)

Что же первично и заложено в концептуальных основах ГСУ, что приводит к появлению и сильному негативному влиянию на траекторию развития территории в рамках стратегирования?

Ряд авторов, исследующих институциональные ловушки, основной причиной их появления называет расхождение краткосрочных и долгосрочных интересов экономических агентов и сочетания моделей поведения, сформированных на основе этих интересов, с экономической эффективностью. Противопоставление интересов и рентабельности – актуальный вопрос любого уровня и масштаба, особенно если речь идет об интересах общества и

окружающей среды, а рентабельность – главный критерий оценки эффективности бизнеса и власти.

Ловушка будет проявляться в обозначении неадекватной по темпам и тенденциям, условиям и потенциалу развития территории цели на фоне некорректно или непрофессионально применяемых инструментов государственной политики при желании бизнеса лоббировать свои интересы и максимизировать прибыль и рентабельность как приоритетные цели своего развития (без стратегических перспектив).

Триада интересы – мотивы – поведение в предыдущих работах отнесена авторами в триаде, характеризующей мотивацию как функцию управления (в работах [3, 13]). В современной системе ГСУ именно эффективная мотивация государственных служащих является актуальной проблемой, разрешением которой выведено на федеральный уровень, и требует, с одной стороны, выполнения всех тех правовых рамок, которые заданы в сфере управления персоналом (человеческим ресурсом) на государственной службе, с другой стороны, учета всех современных тенденций в управлении персоналом, в том числе и в государственной службе.

Ориентируясь на основы теории управления персоналом, отметим, что для максимально возможного управления человеческим фактором необходимо формировать ту систему действий-бездействий, при которой интересы участников ГСП (как со стороны государства-работодателя, так и со стороны общества, заинтересованного в получении полной отдачи от государства в лице государственных служащих по управлению развитием территории, на которой оно проживает) будут сбалансированы и уже привычные, традиционные институциональные ловушки и провокации станут невозможны в силу качества человеческого ресурса, содержания его интересов и мотивов поведения.

И в этом случае только у государства есть возможность воздействовать на качество человеческого ресурса, которым оно располагает, через систему образования и культурных ценностей, типичных для той или иной территории, социальных групп.

Если для государственного служащего по ряду причин типично поведение, в основе которого лежит несовпадение мотивов и стимулов (от непонимания проблем до правового нигилизма и скептицизма), то, во-первых, это необходимо выявлять при найме на работу (пересмотр критериев отбора специалистов на государственную службу), во-вторых, рекомендуется пропагандировать тот набор стимулов и правил поведения через систему образования и культуры поведения, жизнедеятельности, который формирует иммунитет к институциональным ловушкам и провокациям, которые традиционно были характерны для этого общества и профессиональных групп населения.

Институциональные основы заявленных ловушек и провокаций требуют и институционального подхода к их разрешению и невозможности проявляться в системе ГСП и ГСУ в целом.

Ориентируясь на содержание теорий институциональных матриц (С. Кирдина и ее работы [5, 6]) и институциональных трансформаций Д. Норта [7, 14],

можно утверждать, что сегодня актуальна трансформация традиционной для РФ институциональной матрицы в ее триаде политических, идеологических и экономических институтов (как ядра институциональной матрицы):

- в системе образования (воспитание, пропаганда, формирование национально безопасного стиля поведения как потребителя, гражданина, избирателя) для внедрения в общество тех правил поведения, которые соответствуют национальной стратегии безопасности и политической активности в интересах собственного государства; именно образование – приоритетная статья расходов, в первую очередь по обеспечению уровня доходов работников дошкольных, школьных и высших учебных заведений, обеспечивающих наполнение идеологической и интеллектуальной составляющей современного общества, развивающих человеческий потенциал и ответственных за приближение профессионального поведения населения к норме поведения, устойчивого по отношению к тем ловушкам и провокациям, которые типичны, исторически определены по своему составу;
- в государственной экономической политике – корректировка приоритетов стратегического развития каждой территории с максимальной привязкой к интересам и приоритетам со стороны жителей этих регионов, муниципальных образований, что, с одной стороны, позволяет точно формулировать цели и результаты стратегического развития, с другой стороны, определять критерии эффективной работы государственных служащих, несущих персональную или коллективную ответственность за принимаемые решения и ожидаемые результаты с точки зрения стиля поведения (утилитарное при наличии действенных стимулов профессионального поведения и устойчивости к коррупционным ловушкам и провокациям, носящим институциональный характер и пронизывающим всю систему государственной (муниципальной) исполнительной власти, или поведение, в основе которого лежит несовпадение мотивов и стимулов из-за непонимания проблем в своей профессиональной деятельности);
- в политической сфере можно говорить не только об открытости и доступности точек принятия политических решений для высокопрофессиональных кадров и лидеров политических партий, общественных движений, но и о степени защищенности политических институтов страны от внутреннего или внешнего воздействия тех институциональных ловушек и провокаций, которые либо традиционны для общества, государства в силу исторических причин, либо импортируются и создают угрозы безопасности национальным интересам (в том числе в системе образования или правового регулирования политической деятельности в стране).

Приоритет структурных изменений в национальной экономике с учетом существующих диспропорций и объективных особенностей развития разных территорий страны, особенности потребительского, профессионального поведения населения разных национальностей, разных возрастных групп, профессиональных групп, противоречие интересов и стимулов поведения населения и бизнеса – все эти факторы определяют состояние и возможности проявлений сформированных или появляющихся (импортируемых, зарождающихся в тенденции современных потребностей) институциональных ловушек и провокаций, которые поддаются управлению силами государственного управления (и планирования) развитием территорий и создают предпосылки как для повышения национальной безопас-

ности в целом, так и для улучшения (в силу реализации адекватной экономической политики) структуры национальной и региональных экономик.

Институциональные решения для предотвращения, недопущения, избавления общества от институциональных ловушек и провокаций имеют разные сферы реализации, но только комплексный подход к их реализации в политической, экономической, идеологической сферах жизнедеятельности общества и государственного управления может быть результативным.

Представленный алгоритм структурного анализа национальной и региональной экономик является действенным инструментом определения результатов структурных изменений и эффективности развития экономики в существующих условиях и формах управления и воздействия на нее со стороны государства (регулятор), бизнеса (производитель товаров, работ, услуг), общества (платежеспособный потребитель). Его применение в системе ГСУ при планировании и мониторинге результатов реализации целей и задач ГСУ территорией позволит своевременно выявлять очередные флуктуации и изменения с их интерпретацией и рекомендациями по корректировке государственной структурной экономической политики в средне- и долгосрочной перспективах.

Литература

1. О стратегическом планировании в РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Варшавский А.Е. Этика, экономика и инновации [Текст] / А.Е. Варшавский // Экономика и математические методы. – 2012. – Т. 48 ; №1. – С. 3-18.
3. Иванов А.В. Модернизация России и институциональные риски [Текст] / А.В. Иванов // Стратегии социализации молодежи в глобальном мире : сб. науч. тр. / А.В. Иванов ; под ред. проф. В.Н. Белова. – Саратов: Наука, 2011. – 336 с.
4. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ [Текст] / С.Г. Кирдина. – М. : Наука, 2004. – 256 с.
5. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию [Текст] / С.Г. Кирдина. – 3-е изд., перераб., расширенное и иллюстрированное. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 468 с.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
7. Сухарев О.С. Структурный анализ экономики [Текст] / О.С. Сухарев. – М. : Финансы и статистика. 2012.
8. Федер. служба госуд. статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#.
9. Хрусталева Е.Ю. Экономическая безопасность наукоемкого предприятия: методы диагностики и оценки [Текст] / Е.Ю. Хрусталева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – №13. – С. 51-58.
10. Хрусталева Е.Ю. Новые тенденции в организации партнерских отношений государства и бизнеса в инновационной сфере [Текст] / Е.Ю. Хрусталева, С.Н. Ларин // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – №34. – С. 2-10.
11. Шаркевич И.В. Качество экономического роста и структурных изменений как результат и оценка эффективности промышленной политики [Текст] / И.В. Шаркевич, И.А. Злочевский // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – №38. – С.41-46.

12. Шаркевич И.В. Структурный и ранговый анализ региональных социально-экономических систем: препринт [Текст] / И.В. Шаркевич, Н.Е. Булетова. – Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2016. – 60 с.
13. Buletova N.Y. et al. New interaction paradigm of ecological, social and economic structures of human activity [Text] / N.Y. Buletova, I.V. Gorelova, A.V. Golomanchuk, Y.R. Orlova // Экономика региона. – 2015. – No. 2. – Pp. 59-72.
14. North D.C. The rise of the Western world: a new economic history [Text] / D.C. North, R.P. Thomas. – Cambridge, 1973.

Ключевые слова

Институциональная ловушка; институциональная провокация; структурный анализ; структурные флуктуации; интересы; стимулы поведения.

Орлова Елена Роальдовна

Булетова Наталья Евгеньевна

РЕЦЕНЗИЯ

Рецензируемая статья содержит результаты исследования актуальных для современной модели государственного стратегического планирования вопросов эффективности и работоспособности тех инструментов принятия решений, достижения запланированных целевых показателей, которые актуальны в локальных масштабах для каждой конкретной территории и требует консолидации усилий всех участников стратегического планирования и управления в целом для максимального эффекта в сфере экономической, политических, социальных отношений.

Научная новизна и оригинальность представленного материала не вызывает сомнений, в частности, авторы обосновывают определение, содержание и виды институциональных «ловушек» и «провокаций» в привязке к системе государственного стратегического планирования, с учетом той корреляции, которая исторически сформировалась во взаимодействии исполнительной власти, бизнеса и общества, их интересов и мотивов поведения, принятия решений. Авторами также предложено измерение результатов структурных изменений в экономике на макро- и мезоуровнях, позволяющее как оценивать результат стратегического планирования и управления развитием территории со стороны исполнительной власти, так и определять те тенденции, которые типичны для региона и могут спровоцировать соответствующие институциональные ловушки и провокации из-за структурных изменений, диспропорций в экономике по соотношению степени индустриализации или сервизации экономики.

Вышеизложенное дает основание считать, что актуальность рассматриваемой темы, ее практическая необходимость, а также новизна материала определяют научную и практическую ценность статьи.

Рекомендую статью к опубликованию.

Хрусталёв Е.Ю., д.э.н., профессор, заведующий лабораторией Центрального экономико-математического университета Российской Академии наук, г. Москва.

Перейти на ГЛАВНОЕ МЕНЮ